

СОДЕРЖАНИЕ

Яблоко молчания

Книга первая: <i>Зов крови</i>.....	5
Глава 1: ... И дождь смывает все следы.....	5
Глава 2: В каждой избушке свои погремушки.....	18
Глава 3: Песья бесь.....	22
Глава 4: Шоколадница.....	39
Глава 5: Прорыв.....	52
Книга вторая: <i>Восставший против времени</i>.....	63
Глава 1: Ловушка для снов.....	63
Глава 2: Стражи вечности.....	71
Глава 3: Кондры-мондры.....	77
Глава 4: Царева потеха.....	83
Глава 5: Крестный отец.....	94
Глава 6: На дыбе.....	99
Книга третья: <i>Святая стая</i>.....	113
Глава 1: «Полтора землекопа».....	113
Глава 2: Падший ангел.....	123
Глава 3: Сад высоких судеб.....	132
Глава 4: Призрак старой слободы.....	149
Глава 5: Кромешники.....	158
Глава 6: На реки вечные	166
Глава 7: Яблоко молчания.....	171

Книга четвертая: *Охота на призрака*.....180

Глава 1: Ночь опричника.....180

Глава 2: Послушница.....186

Глава 3: День ангела.....192

Глава 4: Триумфатор.....197

Глава 5: По ком звонит колокол?.....209

Книга пятая: *Тайные глаголы*.....214

Глава 1: Черная легенда.....214

Глава 2: Новый завет.....222

Глава 3: Неопалимая купина.....232

Глава 4: Волчья песнь.....235

Глава 5: Золотая книга.....239

Глава 6: Русская тайна.....249

КНИГА ПЕРВАЯ

ЗОВ КРОВИ

Глава 1

... И ДОЖДЬ СМЫВАЕТ ВСЕ СЛЕДЫ

Она стояла на обочине пустой автомобильной трассы «Москва-Ярославль». Босая, вымокшая до последней нитки, в белом, прозрачном от дождя платье. Мокрые спутанные пряди шевелил запыленный майский ветер. Где-то далеко, несмотря на ворча, затихал гром. Первая весенняя жара закончилась внезапным яростным ливнем. Он пролился на землю молодым пенным хмелем, сбил с яблонь розовый цвет и помчал дальше. Выглянуло жаркое солнце, целуя омытый, встрепенувшийся мир, и одинокую фигурку на краю дороги.

Рядом с девушкой затормозил забрызганный грязью МАЗ.

– *Привет, голуба! Куда собралась?* – заодно оскалился шофер.

– *Мне до Царской слободы...* – неуверенно ответила девушка.

Водитель оценивающе оглядел ее стройные, едва прикрытые платьем ноги, и всю приподнятую, точно летящую фигурку.

– *Ну, садись, голуба...*

Девушка запрыгнула в машину. На ее щиколотке приметно блеснула драгоценная цепочка двойного плетения с маленьким ювелирным замком, точно она была рабыней, бежавшей из платинового плена.

– *Саня,* – представился шофер, протягивая могучую ладонь, густо татуированную по тюремным лекалам.

– *Ксения*, отозвалась девушка, но руки не подала.

– *А в Царской слободе тебе что нужно?* – закурив, попытался Саня.

– *Монастырь...* – неохотно ответила девушка.

– *Не понял...* – обиженно пробасил водила, и выбросил в окно недокуренный «бычок». – *Если к монастырю, то надо было с тракта заезжать, а теперь мы с другой стороны прём*, проворчал он, чувствуя нарастающее раздражение против ее отрешенного вида и голоса.

Странное существо, сотканное из запахов майского ливня и водяных струй, смущало его русалочьим блеском глаз и каплями дождя на смуглых коленях. Словно на сиденье рядом с ним сидела не босоногая девчонка, подобранная на «отстое», а призрак: женский оборотень, дух, один из тех, что маячат на роковых перекрестках в лунные ночи, черной кошкой перебегают дорогу или появляются на обочине накануне смертного часа.

– *А так ... пехом переть*, – поеживаясь от сквозняка, рассуждал Саня.

– *Через лес, да на ночь глядя, прямо скажем, бросок на любителя*. – он красноречиво пожал плечами.

– *Опять же, в объезд, это километров двадцать будет. И постов кругом понатыкано...*

– *Я заплачу...* – пообещала девушка.

– *И чем же ты заплатишь, голуба?* – недоверчиво сощурился Саня.

Спохватившись, девушка сорвала со щиколотки платиновый браслетик и вложила в его ручищу.

– *Ты чо, Ксюха, я же пошутил...* – растерялся шофер, тиская в ладони теплую змейку.

Вместо радости прибытка он ощутил тревожный холодок. Он, бывалый мужик, ломовик дороги, знавший полный свод её законов, примет и ее грубую пыльную правду, поступил согласно первому корневому правилу: помоги, если можешь. Второе же правило гласило: дают – бери... Но такая барская цепка грозила оборвать чашу весов, и отправить Саню Санина вверх тормашками напрямиком в преисподнюю.

– *Бери!* – приказала девушка и надолго замолчала, глядя на черемуховый разлив по краям дороги.

– *В монастырь-то, на ночь глядя... Грехи, стало быть, замаливать?* – попробовал шутить Саня.

– *Я отца ищу.* – еще тише ответила девушка.

– *Какие же в монастыре «отцы»? Разве что «святые»!*

– *Все отцы святые.* – тихо и серьезно ответила девушка.

Через полчаса вдоль шоссе замелькали приметы близкого города. Проплыл полосатый столб с фосфорной подсветкой: «Царева слобода. Богородский Свято-Девичий монастырь – 5 км». Грузовик затормозил на развилке тракта. Один рукав шоссе уходил к окраинам Александровска, другой вел на республиканскую трассу. Девушка, как была босая, прыгнула в траву на обочине.

– *Ну, бывай, голуба... Дотопаеть без калош, лягушка-путешественница?* – пошутил Саня.

Но девушка, уже молча, и решительно направилась по тропе в лес.

Саня достал из кармана сигареты, и, ломая спички, долго не мог высечь искру. Встреча на трассе разбудила в душе зудящую рану, точно он промчался мимо речки редкой красоты, о которой грезил всю жизнь, и надо бы развернуть машину и вернуться обратно, но нет времени.

– А ну ее к ляду, эту «русалку», на наш век девок хватит.... – привычно утешился он.

Чумазый водила сплюнул бензиновой гарью и ударил по газам.

Известно, что все сомнения и внезапно свалившиеся неприятности надо заедать, и Саня привычно завернул в замызганную «кофейку» на шофёрском перекрёстке. В «кофейке» было пусто, дремотно бормотал включенный телевизор. Саня заказал большую кружку пива с порцией жареных сосисок. Ожидая заказ, он тупо уставился на подвешенный под потолком экран. Шли криминальные новости.

– ... *Ксения Трифонова, 1999 года рождения.* – отчеканил женский голос.

Сквозь эфирную рябь мелькнуло юное лицо. Это была она, его недавняя босая пассажирка, но разряженная в блестки и мишуру, как новогодняя елка. Она была похожа на малолетку, впервые вытолкнутую на панель. Так свежая капля небесного дождя, упавшая на пропахший бензином асфальт, одевается в гибельную бриллиантовую радугу, прежде чем исчезнуть и испариться в городской пыли.

– *Сообщившему местонахождение, гарантировано вознаграждение в размере десяти миллионов рублей* – сухо провещала дикторша.

Внизу экрана бегущей строкой мелькнули телефонные коды. От названной суммы у Сани зашумело в ушах. Он выхватил мобильник и торопливо нащелкал контактный номер, но линия была занята. Забыв про сосиски и про пивную пену, тихо оседающую в кружке, он бросился к грузовику. Нарушив все правила, развернулся посреди шоссе, и минут через пять снова был на развилке с указанием на монастырь.

Заглушив движок, он выскочил из кабины и побежал по единственной стежке, ведущей через густой кустарник в лес, но через минуту, чертыхаясь, вернулся обратно, схватил большой китайский фонарь-рефлектор и вытащил из-под сиденья пистолет Макарова. Эту «надежную игрушку» он брал с собою на всякий случай, когда чувствовал тревогу и неуверенность или ввязывался в дело с неясным концом. «Макаровский» он сунул за пояс брюк.

Извилистая стежка вывела его на заброшенный большак – лесную дорогу. Глубокие колеи успели порости рогозом и кустарником. Торопясь напасть на след, он бегом простегал заросли орешника и очутился в сосновом бору. Его грузному и отвыкшему от гонок телу было трудно выдерживать темп, но обещанная сумма и внезапно проснувшийся азарт толкали вперед. Едва различимая тропка то катилась в овраг, то взбиралась на высоту. Внизу плескался полноводный лесной ручей. На миг он остановился. Колючая жажда царапала гортань, лесная река звала его к себе. Упасть горячей грудью, остудить воспаленное горло и напиться сладчайшей родниковой воды с хрустальными льдинками в каждом глотке, но в это время впереди на краю оврага мелькнуло белое платье.

Дорога выпрямилась, он сбавил шаг и теперь крался, перебегая от дерева к дереву. Девушка услышала треск сучьев, резко обернулась, и, все поняв, бросилась в чащу. Она пробовала менять направление бега, но эта «заячья» уловка ей не помогла, Саня сумел удачно подрезать ее беспорядочные зигзаги: сказался шоферский опыт. Почти одновременно они выскочили из леса на край холма. Внизу расстилалась малахитовая зелень полей, справа темнели поросшие бурьяном кирпичные руины, арка старинных ворот и выщербленные стены небольшой часовни. Девушка побежала к развалинам и пропала среди обломков кирпичных стен, и обрушенных колонн. Тяжело дыша, Саня заковылял за ней.

В развалинах обнаружился довольно глубокий провал. Массивные мраморные плиты пола осели к центру, и встали ребром вокруг глубокой дождевой промоины. Недавний оползень открыл пустой зев подземелья и остатки стены. Арка из тесаного кирпича походила на лаз в деревенский погреб или подвал, какие все еще попадались на родине Сани, под Епифанью. Оплывший песок змеистыми ручьями уходил в воронку под плитами. На песчаном дне промоины среди кирпичей и черных от времени досок виднелись следы босых девичьих ног.

– *Добегаюсь, сучка...* – пробурчал Саня.

– *Эй, голуба, выходи!* – крикнул он в темноту.

В глубине провала стукнул камень, и сразу точно из-под земли залаяли собаки. Чертыхаясь, Саня спустился по обрушенным кирпичам в промоину, и, согнувшись, пролез под аркой. Ступени из тесаного известняка уводили в темноту подземелья. Он включил фонарь. Луч скользил по стенам, прощупывая мрак. В алмазном луче щерилась собачья падаль, топорщились ребра старых, рассыпавшийся в прах бочек и целые курганы битого кирпича. Впереди в мерклом луче фонарика мелькнула обреченная белизна платья. Обхватив колени, и сжавшись в тугой поддрагивающий комок, девушка пробовала укрыться за горой старых досок.

Тяжело сопя, Саня передернул затвор «ПМ», и, не отводя дула пистолета от девушки, вызвал номер на мобильнике.

– *Говорите громче!* – сквозь треск разрядов и шум помех монотонно повторял мужской голос на том конце провода.

– *Слушай внимательно!* – заорал Саня.

– *Девчонка здесь... в яме... Я ее на мушке держу. Деньги положишь на этот номер, тогда получишь её. Убью суку...* – прохрипел он, увидев, что девушка вскочила и стремглав бросилась в темный зев подземелья.

Водила ринулся за ней, но топот быстрых ног внезапно стих и стало тихо. Так тихо, как бывает только в глубинах земли. Где-то капала вода, изредка доносился далекий гул, будто сыпались камни. Он не сразу понял, что попал в длинный извилистый лабиринт, точнее разветвленный подземный коридор с глухими тупиками, заваленными кирпичными обломками.

Шел он долго, спотыкаясь о битые кирпичи и вывороченные стропила. Фонарь ослабел и больше не разгонял тьму. Саня потерял счет времени. Должно быть, прошло несколько часов, вокруг резко похолодало, точно он попал в подземный погреб-ледник. За изгибами коридора стали попадаться широкие залы, потолки становились выше, и звук шагов рассыпался эхом под гранеными сводами старинных подвалов. По краям коридора виднелись проржавевшие, но все еще крепкие кованые решетки, и рассыпавшиеся от старости двери, некогда надежно закрывавшие хранилища. Фонарик погас, он включил светодиод мобильного, но его хватило ненадолго. Безо всякой надежды Саня попробовал набрать первый попавшийся номер, но земная толща глушила его вопль о помощи. Впервые в жизни ему стало по-настоящему страшно.

Зажав в кулаке тяжелый нательный крест, точно золотую антенну высшей связи, он шел вперед, бормоча путанные клятвы. Он, Саня Санин, обещал больше никогда не соваться в темные подземные норы, и даже в экскурсионные лабиринты вроде Афонских пещер. Останется курить и потягивать пивко на теплом солнышке, наслаждаясь синевой южных небес и свежим, самшитовым ветерком, думая о неосмотрительной глупости тех, кто надеется победить, приручить или обмануть хозяев подземелий. И тут он услышал скрежет, точно где-то приоткрылась тяжелая дверь на кованых петлях. Саня безнадежно позвал в крошечную темноту, но ответом ему была тишина.

Поединок с мраком и холодом забрал все его силы. Споткнувшись о камень, он упал ничком, со стоном повернулся на бок и остался лежать. Тяжелые удары сердца отбивали уходящее время, и внезапно стало понятно, что тьмы больше нет, хмурое утро просочилось в подземелье бледным синеватым молоком, и далеко впереди замаячил выход. Он пополз к свету, потом встал на четвереньки, и чтобы было легче дышать, расстегнул ремень. Шум в ушах не дал ему расслышать быстрые легкие шаги из глубины подземелья.

В первую секунду он не почувствовал боли, похожей на укус, словно несколько пчел одновременно впились в его шею и затылок. Мужчина попробовал вывернуться из стальной хватки, но по телу уже разлился жидкий парализующий лед, жизнь стремительно уходила из него волной дрожи. В глазах колыхалась алая пелена. Сознание гасло медленно, круг за кругом стирая память прожитой жизни, похожей на бешеную гонку без остановки, на трассу, замкнутую в круг, и на каждом новом витке он проскакивал мимо прохладной реки с серебристыми ивами на берегах. Сквозь красную пелену брызнул ослепительный солнечный свет, точно он проснулся. И в этом внезапном пробуждении стремительно, как дождь, падал вниз, на дно темного лесного оврага, к вожденной глади лесной реки, и, утоляя жажду всей своей жизни сам становился водою...

Город Александровск, Царева Слобода, двумя неделями ранее...

Первый удар соборного колокола прозвучал приглушённо и робко. Ему звучно ответил другой, и тут же ликующими трелями заговорили малые и большие била, приглашая к заутрене.

По утрам драгоценная россыпь звонов будила окрестность, и каждое утро, оседлав старенький велосипед, Отец Олимпий спешил на службу. Олимпий был духовником женского Богородичного монастыря и единственным мужчиной, допущенным к внутренней жизни обители. Для духовника он был еще довольно молод, лет пятьдесят или чуть больше. Высокий и поджарый, он был похож на бывшего спортсмена или отставного военного. Крепкое, обветренное лицо, немного смягчённое кудрявой бородкой, освещали небольшие светло-серые глаза. Речь его была проста и безыскусна, но, тем не менее, именно он, отец Олимпий, был одной из тех немногих натур, для которых вера и служение составляет единственный смысл всей их жизни, в то же время в этом не было ничего от религиозного фанатизма или замкнутости. Не удивительно, что среди прихожан он прослыл почти что святым.

С горы открылся вид на главный собор монастыря, купола которого плыли поверх тумана. Их тугие бутоны упрямо держались против течения времени, цепляясь корнями за сумрачное дно, как золотистые кувшинки на глади реки. В граненом шатре звонницы чернела тонкая фигурка. Звонила, самая молоденькая из монахинь, недавняя выпускница Московской Консерватории. Сильный верховой ветер раздувал чёрные покровы её одежд, и со стороны этот ритмичный танец под гроздьями разбуженных колоколов казался древним волхованием, опасной шаманской пляской.

Отец Олимпий остановил велосипед и размашисто перекрестился. Внезапно что-то странное, чужое вмешалось в стройную мелодию утра, в разлив светлых красок.

На белоснежных стенах монастырского кремля и по всему корпусу водонапорной башни проступали широкие бурые пятна, точно на алебастровую побелку брызнула густая темная кровь.

Отец Олимпий протер глаза, в тщетной надежде, что ему померещилось, такое ведь бывает, когда на роговице тлеет солнечный ожог, и в многоцветной картине мира открываются зияющие дыры. Но нет, он не обманулся. Свежая, ослепительно яркая штукатурка отслоилась и опала, обнажив старый багровый кирпич. На стенах темнели широкие сколы, как рваные раны, и повсюду проступили фантастические контуры inferнальных силуэтов: драконьи пасти, оскаленные волчьи морды, всадники с косами в руках, и горбносый профиль, в котором, если напрячь воображение, можно было узнать царя Ивана Грозного в исполнении актера Черкасова, любимца другого «всесильного царя», Иосифа Сталина.

Александровск – место крепко и навечно связанное с именем Ивана Грозного, последнего русского царя из династии Рюриковичей. Алая пульсирующая точка на карте Руси, место царских скорбей и метаний. Город, где выкипела до дна кровь властителей Севера, и откуда пошли гулять по Руси черные рати, прозванные опричниками, что были *«суть волки лютые»* в описании непредвзятых летописцев.

Но прошли великие и страшные годы, и в стенах Царевой Слободы возник Богородичный девичий монастырь, прозванный в народе Горицвет. Еще до революции он пришел в запустение, но ныне воспрял и возрождался из столетних руин.

О происшествии, возымевшем силу знамения, уже было известно в монастыре. Убранная к празднику обитель, словно приуныла, и даже яркий солнечный свет померк, как в дни траура. Отец Олимпий оставил велосипед на вахте у «Архангела», так называлось частное охранное предприятие, опекавшее монастырь, взял у охранников свой верный посох и, опираясь на него, пошел к собору.

По мощёной дорожке навстречу отцу Олимпию непривычно быстрой походкой шла настоятельница, матушка Андроника. Двигалась она со своеобразной грацией, строгой и одновременно пленительной.

Ей было чуть больше тридцати. Матушка, вопреки хорошо известному правилу: *жена церкви да не учит*, заочно заканчивала богословскую академию, и как символ своей невольной избранности, носила маленькие очки в золотой оправе. На этот раз ее ласковые лучистые глаза смотрели тревожно и вопрошающе.

Едва заметно кивнув, матушка взглядом пригласила отца Олимпия следовать за собой. До утренней службы оставалось полчаса. Андроника заварила свой любимый жасминовый чай, и села напротив Олимпия, перебирая в ладони душистые четки. По бегу сандаловых бусин можно было судить о тревоге, от которой потемнели ее ясные глаза, и милое лицо затмилось заботой.

– Мы еще не расплатились с «Аустом» за укрепление башен, а тут новая беда – надо заново штукатурить и белить стены. А ведь это снова большие деньги...

Но если бы только это...

Матушка опустила глаза и вздохнула.

Отец Олимпий понял причину ее смущения. По новому земельному законодательству монастырю возвращались все здания, земельные угодья и владения, отмеченные за ним в архивных справках и исторических документах до 1917 года.

Благодаря новым установлениям монастырь внезапно вырос до крупнейшего собственника земельных угодий, свободных от налогообложения и прочих поборов. Тем не менее, монастырь не имел свободных денежных средств и был не в состоянии закрывать даже свои текущие расходы. В помещении бывших царских палат был открыт небольшой исторический музей, но и он нуждался в средствах для реставрации.